

ФЕОФРАСТ, Исследование о растениях, Перевод с древнегреческого и примечания М. Е. Сергеевко. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1954, 590 стр., тираж 3000 экз., цена 23 р. 40 к.

Перевод ботанических сочинений Феофраста на русский язык следует всячески приветствовать; произведения крупнейшего ученого древности, основоположника ботанических изысканий, по справедливости заслужившего почетное имя «отца ботаники», привлекают к себе внимание не только специалистов-ботаников, но и всех интересующихся историей естествознания и развитием научной мысли. Обилие ботанических сведений, замечательная наблюдательность автора, точность его «диагнозов», позволяющая отождествить ряд описанных им растений с определенными, известными нам видами (см., например, параграфы, содержащие описание различных дубов), множество ценнейших сведений по истории сельского хозяйства в древней Греции и по античной сельскохозяйственной технике (включая сюда полеводство, виноградарство и садоводство), определенно выраженные интересы автора к изучению взаимоотношений организмов и окружающей среды — все это делает ботанические работы Феофраста очень ценными для широкого круга читателей: и для ботаников, и для агрономов, и для историков древнего мира, и для историков науки и техники.

Феофраст стал привлекать к себе внимание ученых главным образом в течение последних десятилетий. В прошлом столетии из работ, ему посвященных, заслуживает упоминания только содержательная статья О. Кирхнера «Die botanischen Schriften des Theophrast», 1875. В 1903 г. вышла в свет книга Г. Бреция, подводившая итог тем ботаническим изысканиям, которые были произведены учеными, сопровождавшими Александра Македонского в его походах. Она пробудила интерес к Феофрасту. В 20-х и 30-х годах появились статьи швейцарского биолога Г. Зенна и молодого шведского ученого Р. Стремберга. Эти работы, как можно судить и по рецензируемому переводу и по примечаниям, критически использованы М. Е. Сергеевко. Она иногда принимает их выводы, иногда спорит с ними и предлагает свои толкования текста Феофраста с большой убедительностью (см., например, прим. 114 к кн. I, или прим. 105 и 111 к кн. IV). Несмотря на некоторые недочеты в переводе и неполноту комментария, мы можем сказать, что обладаем теперь таким переводом «Исследования о растениях», какого (несмотря на то, что это и е р в ы й перевод ботанических сочинений Феофраста на русский язык) на Западе нет. Переводы Шнейдера и Виммера на латинский язык и не всем доступны и представляют собою почти библиографическую редкость. Кроме того, Шнейдер издавал свой перевод, когда не была известна лучшая из рукописей Феофраста — кодекс, хранящийся в Ватиканской библиотеке. Перевод Шпренгеля не только не точен, но часто и прямо фантастичен. Комментарии Бреция, погибшего в первую мировую войну, остались ненапечатанными и неизвестно, где находятся в настоящее время. Английский перевод Горта (1916 г.) не имеет комментария; он снабжен только филологическими и притом очень скудными примечаниями.

Рецензируемый перевод «Исследования о растениях», несомненно, будет содействовать широкому знакомству с Феофрастом. Написанный хорошим русским языком, простым и ясным, перевод М. Е. Сергеевко читается легко и не требует для того, чтобы стать понятным, справок с оригиналом. Все знакомые с текстом Феофраста в подлиннике прекрасно знают, до какой степени труден для перевода его язык и стиль,

очень своеобразный, краткий, иной раз предельно сжатый. Перевести Феофраста так, чтобы сделать его доступным широким читательским кругам и вместе с тем не погрешить против подлинника, дело весьма трудное и ответственное. Переводчица с ним справилась, и следует только приветствовать, что в своей работе над переводом Феофраста она поставила своей задачей точно передать литературным языком его мысли и удержалась от соблазна пошляться сохранить и своеобразие стиля подлинника, что, наверное, привело бы к известному насилию над русским языком. Перевод сделан правильно, и только кое-где встречаются в нем некоторые промахи. Непонятно, например, почему в самом начале перевода (I, 1, 1; стр. 11) *πραξις* переведено словом «подвижность», а не «деятельность» в соответствии с прямым значением греческого слова. Больше претензий можно предъявить к переводчице в области передачи терминологии, столь важной в ботаническом сочинении. Переводчица, филолог-классик, не всегда уверена в ботанических терминах. Так, например, слово *φρούρα*, переданное в книге I (3, 1) через «полукустарники» (стр. 18), в книге VI, посвященной Феофрастом этому разделу растительного мира, переведено как «мелкие кустарники» (стр. 191). Встав на правильный путь передачи греческих названий растений в буквальном их переводе с кавычками, например, «цветок Зевса» (гвоздика), «шишконос» (хвойные деревья), «солнцеворот» (гелиотроп), «мидийская трава» (люцерна), «собачья роза» (шиповник) и т. п., переводчица не осталась до конца верной себе, и вместо «звездочки» в тексте оказалась «астра», вместо «болотного золота» — «бесомертник», а вместо «острой колючки» — «пираканта». Хорошо еще, что буквальный перевод этих названий приведен в указателе, но, к сожалению, не всегда (см., например, «пираканта» на стр. 564). Точно так же досадно, что переводчица допустила в некоторых (к счастью, очень немногочисленных) случаях такую историческую и филологическую бестактность, как название растений по бинарной системе Липinea: «молодил королевский» (стр. 37), «якорцы стелющиеся» (стр. 192). Такая номенклатура уместна, конечно, только в «Указателе», где она систематически и проводится. И подобные недосмотры, к сожалению, не единичны.

Примечания и обильны и содержательны, но неравномерны, и очень жедательно было бы их еще расширить. Нельзя отказать М. Е. Сергеенко в ботанической начитанности, для филолога-классика очень значительной. Но ботаническая начитанность не заменяет специального ботанического образования, и в составлении примечаний к Феофрасту должны были, само собой разумеется, принять участие ботаники. В тех случаях, когда дело касается вопросов исторических, вопросов толкования текста, методов работы Феофраста, а также истории техники и особенно сельского хозяйства, М. Е. Сергеенко стоит на твердой почве. За множеством ее примечаний стоит не только большая начитанность, но и самостоятельные наблюдения и изыскания. Таковы, например, ее примечания относительно работы Феофраста над его материалом (примечания 92—95, 99 и 108 к книге III), примечания, касающиеся сельского хозяйства, к книгам VII и VIII, филологические объяснения. Полного одобрения заслуживает стремление переводчицы проверять сведения, сообщаемые Феофрастом, данными современной ботаники. Это проделано почти для всех деревьев, описываемых Феофрастом в книге III, причем ряд соображений автора примечаний чрезвычайно убедительны (см., например, примечание 103, удачную полемику с Гортом в примечании 104 или примечания 120—121, в которых умело показаны и источник, откуда Феофраст черпал свои сведения, и его работа над созданием научной терминологии).

К переводу приложен объемистый (стр. 523—589) «Указатель ботанических названий», в котором приведены для растений три имени: русское, латинское и греческое. Очень хорошо, что указатель этот снабжен объяснительными этимологическими примечаниями для ряда греческих названий (а тем самым и для современной латинской номенклатуры, представляющей собой, в большинстве случаев, лишь транскрипцию греческих наименований). М. Е. Сергеенко дает этимологии бесспорные; сомнительные она приводит редко, в чем, конечно, права, так как отягчать ботанический указатель лингвистическими контроверзами нельзя. На некоторые недочеты «Указателя» уже указано выше.

В книге имеются две статьи о Феофрасте. Одна принадлежит известному советскому ботанику А. Н. Криштофовичу и содержит оценку Феофраста как ботаника с точки зрения нашей современной науки; другая написана М. Е. Сергеевко и заключает в себе биографию Феофраста, его характеристику и описание методов его работы. Автору этой последней статьи можно сделать две серьезных упрека: М. Е. Сергеевко должна была, во-первых, дать хотя бы в общих чертах характеристику ботанических знаний и воззрений до Феофраста, а, во-вторых, нельзя было делать мимоходом такое замечание (стр. 354): «Что касается „Исследования о растениях“, то оно тоже представляет собой собрание отдельных работ, большинство которых отнесется к позднему периоду, когда Феофраст уже вполне овладел своим новым научным методом». Положение это настолько интересно, что читатель вправе требовать от автора статьи и подробного его развития и его обоснования. Достоинства статьи М. Е. Сергеевко несомненны: живое и яркое изложение, глубокое знание предмета и любовь к нему способствовали тому, что образ Феофраста предстает перед читателем не в виде бесцветной и безжизненной тени (каким он часто представляется в историях литературы и историях ботаники), а в виде значительной и привлекательной фигуры. Важна и убедительна и характеристика метода, которым работал Феофраст, и сравнение этого метода с методом работы Аристотеля.

Остается только пожелать, чтобы Издательство АН СССР выпустило еще и перевод «Причин растений»: тогда у нас будет полный свод ботанических работ Феофраста. Надо надеяться, что это чрезвычайно нужное издание будет так же прекрасно оформлено, как и «Исследование о растениях», а вместе с тем в нем не будет такого большого количества опечаток в греческих словах, какое, к сожалению, имеется в настоящей книге.

Ф. А. Петровский